

Внешиполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен

© 2011

В. Портяков

Анализируется процесс обновления внешнеполитического инструментария КНР в последнее десятилетие. Детально рассмотрены такие его направления, как провозглашенная и реализуемая Пекином политика партнерства — она адресована большинству государств мира — и политика добрососедства, объектом которой являются государства, граничащие с Китаем по суше или морю. Исследованы сдвиги в позиционировании КНР в ООН и эволюция подходов Китая к реформе этой организации.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, внешняя политика, инструментарий, партнерство, добрососедство, позиционирование, Организация Объединенных Наций.

Сохранив неизменной приверженность фундаментальному принципу независимости и самостоятельности своей внешней политики, Китайская Народная Республика с начала 1990-х гг., тем не менее, приступила к существенному обновлению ее инструментария. Это было вызвано, в первую очередь, объективной необходимостью идти в ногу со временем и адаптироваться к крупным подвижкам в мировой архитектонике, олицетворяемым дезинтеграцией СССР и исчезновением просуществовавшего около полувека биполярного мира.

На определенную активизацию международной деятельности страну нацелил и архитектор политики модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости Дэн Сяопин в выступлениях в ходе своей поездки в южные районы Китая в январе-феврале 1992 г.

В том же направлении действовал и ускорившийся процесс мировой экономической глобализации, который имел для КНР особое измерение в виде длительных переговоров о присоединении к Всемирной торговой организации, увенчавшихся успехом лишь в 2000 г. (членом ВТО Китай стал год спустя, 11 декабря 2001 г.).

Обновление инструментария внешней политики страны косвенно стимулировалось также появлением с середины 1990-х гг. — вслед за первыми признаками выдвижения КНР в лидирующую когорту мировых держав — многочисленных теорий «китайской угрозы» и «грядущего коллапса Китая». На них надо было отвечать не только контрпропагандой, но и более весомыми аргументами. А реальное усиление экономической мощи КНР предопределило существенное усиление в последнее десятилетие ее экономической дипломатии.

Немаловажную роль играет и самоидентификация Китая как ответственной глобальной державы. С нею непосредственно связано стремление Пекина улучшить восприятие КНР за рубежом и придать достаточно респектабельный облик внешнеполитическим концепциям и инструментарию ее международной деятельности в целом.

Ниже предпринята попытка более детально рассмотреть такие ключевые для сегодняшней КНР инструменты ее внешней политики, как партнерство, добрососедство и позиционирование в ООН.

Партнерство

С начала 1990-х гг. одним из важнейших направлений обновления внешнеполитического инструментария Китая стало создание системы партнерских отношений с различными государствами и объединениями стран. В первую очередь партнерские отношения устанавливались с соседями, в том числе с Россией, Индией, Пакистаном, Непалом, АСЕАН, Республикой Корея, Монголией, Индонезией, Филиппинами, Казахстаном, Японией. Однако затем процесс вышел далеко за рамки близлежащего географического ареала, и в настоящее время Китай имеет партнерские отношения с несколькими десятками стран буквально по всему миру.

По оценке китайских политологов, формула «партнерства» является крупной новацией Китая и его заметным вкладом в международные отношения в период после завершения «холодной войны». Принципиальными особенностями политики партнерства, предложенной Пекином членам международного сообщества, стали: отказ от прямого вызова существующему международному порядку, невступление в какие-либо союзы в целях противодействия третьему государству, активное продвижение механизмов консультаций и сотрудничества, поиск точек совпадения или близости взаимных интересов. Формат партнерства удачно вписался в общую внешнеполитическую стратегию КНР, ориентированную на создание международной обстановки, благоприятствующей долгосрочному мирному развитию страны. Поскольку отношения партнерства означали разрыв с традициями вступления в союзы и противостояния, то, как утверждает в КНР, формирование сети партнерских отношений «существенно расширило внешнеполитическое пространство Китая»¹.

На практике формула партнерства работала на создание благоприятной для Китая международной обстановки сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, она позволяла снизить уровень конфронтационности в двусторонних отношениях с такими сложными для Китая партнерами, как, например, США и Япония. В этом смысле инструмент партнерства если не прямо, то косвенно служил цели повышения уровня безопасности Китая.

Во-вторых, ставка не на давление и силовые методы воздействия, а на сотрудничество, консультации, поиск взаимной выгоды или, как минимум, точек соприкосновения улучшала общую атмосферу двусторонних отношений КНР со страной-партнером и облегчала решение тех или иных сложных проблем.

В-третьих, формула партнерства в определенной мере снижала действенность теорий «китайской угрозы», разнообразные модификации которой существуют до сих пор.

Вслед за общим усилением Китая и его активизацией на мировой арене формула партнерства обрела дополнительные функции — не столько абсолютно новые, сколько логично развившие изначально закладывавшиеся в нее ориентиры. Так, с выдвиганием на рубеже столетий и активным продвижением Китаем концепции «новой безопасности» партнерские отношения КНР с другими странами стали рассматриваться как костяк общей системы безопасности страны².

В целом же, по оценке ряда западных аналитиков, формула партнерства возникла как тщательно просчитанная стратегия, позволяющая стране обойти различные международные опасности и угрозы в переходный период конца XX — начала XXI вв. Сердцевиной этой стратегии явилось «правило избежания», призванное дать Китаю возмож-

ность избежать исторической судьбы таких возвышавшихся государств, как Франция, Германия и Япония, которые преждевременно бросали вызов существовавшему гегемону. Поскольку период возвышения Китая выходит за краткосрочные рамки и займет, по видимому, следующие 30—50 лет, то де-факто партнерство обретает еще одну функцию, становясь на деле китайским методом «формирования политики великой державы»³.

Конкретные формы партнерства во внешней политике КНР в последнее десятилетие эволюционировали во времени и отличаются заметным разнообразием от страны к стране.

Классическим примером здесь могут служить отношения КНР с постсоветской Россией. В 1994 г. в Совместной российско-китайской декларации было отмечено, что между РФ и КНР «сложились новые отношения конструктивного партнерства — подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования»⁴. В аналогичном документе от 25 апреля 1996 г. констатировалась решимость двух стран «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁵.

Наконец, начиная с 2001 г., т.е. с момента подписания двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, «стратегическое взаимодействие» между Китаем и Россией характеризуется как уже реально существующее⁶.

Модификация конкретного определения партнерских отношений Китая касается не только России. Так, в 1996 г. отношения с Индией были охарактеризованы как «отношения конструктивного сотрудничества и партнерства, ориентированные на XXI век». В 2005 г. было заявлено об установлении Китаем и Индией «отношений стратегического сотрудничества и партнерства, ориентированных на мир и процветание». С Пакистаном Китай в 1996 г. договорился об установлении отношений «всестороннего сотрудничества и партнерства». Чаще других встречается определение «отношения стратегического партнерства». Подчас используются и явно «индивидуализированные» дефиниции. Например, с Японией в 1998 г. были установлены «отношения дружественного сотрудничества и партнерства на благо мира и развития», а в 2006 г. было задействовано новое определение: стремиться совместными усилиями создать «отношения взаимного благоприятствования, основанные на общих стратегических интересах»⁷.

В общем и целом, изменение конкретного определения партнерства отражает либо улучшение двусторонних отношений, либо углубление и расширение сфер практического взаимодействия КНР с той или иной страной. Подчас, однако, конкретные двусторонние отношения трудно втиснуть в «прокрустово ложе» той или иной формулировки. Прежде всего это касается отношений КНР с США, которые на разных этапах пытались подвести под такие определения «партнерства», как «конструктивное стратегическое партнерство», «стратегическое партнерство перед лицом общих вызовов», «взаимодействие ответственных пайщиков». Однако, как полагают некоторые китайские эксперты, особая сложность и многоплановость современного китайско-американского взаимодействия делает предпочтительным в данном случае использование самого простого и широкого понятия, а именно — «партнерство». Оно нейтрально и охватывает как сотрудничество, так и конкуренцию, оно подразумевает наличие высоких шансов не только на широкую кооперацию, но и на разнообразные трения. Это партнерство должно базироваться на стратегических долговременных интересах каждой из двух стран. При этом следует иметь в виду, что различия между Китаем и США в идеологии, общественном устройстве и системе ценностей делают задачу выстраивания «стратегического доверия» между ними весьма непростым делом. Вместе с тем, наличие целого спектра региональных и глобальных проблем, вызывающих общую озабоченность Пекина и Вашингтона, интенсивные двусторонние связи в самых разных областях создают множество возможностей не только для взаимных конфликтов и трений, но и для сотрудничества с целью получения обоюдного выигрыша⁸.

Уже само по себе значительное разнообразие конкретных вариантов партнерства КНР с зарубежными государствами делает вполне естественной их определенную иерархизацию.

Попытку такой иерархизации предпринял специалист по международным отношениям Китая из Фуданьского университета Янь Шэньи⁹. Шанхайский ученый в качестве высшей формы партнерства выделил китайско-российские отношения стратегического партнерства, которые, по его мнению, не подвержены воздействию времени и тех или иных событий, влиянию идеологии или системы ценностей. Поскольку они зиждутся на обширной общности интересов двух стран, на единстве или близости взглядов по многим важным вопросам, то при решении крупных международных, региональных и двусторонних проблем Китай и Россия могут вести равноправные консультации и действовать в духе взаимных уступок. Это и есть отношения стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества в полном смысле этого слова.

Отношения Китая с Республикой Корея, Украиной, Казахстаном, Канадой, Мексикой, ЮАР, Организацией африканского единства, Бразилией, с которыми у Пекина нет конфликта коренных интересов, Янь Шэньи квалифицирует как «партнерские отношения дружеского сотрудничества».

С АСЕАН и ЕС у Китая немало общих интересов, позволяющих развивать сотрудничество на базе равноправия и взаимной выгоды. Вместе с тем, у сторон есть расхождения по ряду вопросов, уровень взаимного доверия нуждается в дальнейшем повышении. Партнерство с ними может быть охарактеризовано как «согласованное» или «координируемое» («сетяосин дэ»).

Что касается США и Японии, то они, полагает Янь Шэньи, рассматривают Китай как потенциального противника. По ряду важных проблем у сторон существуют очевидные разногласия, к тому же у них разные стратегические цели. Вместе с тем, у Китая есть общие интересы с США и Японией в защите мира, региональной и глобальной стабильности, в развитии экономических, торговых, научно-технических обменов. Поэтому существует возможность за счет обоюдных усилий выйти на отношения подлинного партнерства, которое можно было бы охарактеризовать как «конструктивное партнерство прагматичного типа».

На наш взгляд, при всей полезности той или иной типологии современных партнерских отношений КНР с различными государствами следует принимать во внимание, что на практике они, во-первых, находятся в динамике, т.е. развиваются, модифицируются, наполняются новым содержанием, и, во-вторых, остаются в высокой степени индивидуализированными.

Показательно в этом плане сопоставление китайско-германского совместного коммюнике по итогам визита в Китай канцлера Германии Ангелы Меркель (15—18 июля 2010 г.) и Совместного заявления РФ и КНР по итогам визита в Китай президента России Д.А. Медведева (26—28 сентября 2010 г.). Оба документа носят сходные, однако несовпадающие названия — «О всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства» в случае с Германией и «О всестороннем углублении отношений партнерства и стратегического взаимодействия» в случае с Россией¹⁰. Еще больше различий в конкретном наполнении документов. Значительная часть китайско-российского заявления отведена оценке международной ситуации и взаимодействию сторон в мировой политике и экономике. Двустороннее сотрудничество отражено в заявлении достаточно полно, но без подробной детализации. В китайско-германском коммюнике международная проблематика представлена слабо и крайне выборочно. Напротив, экономическое сотрудничество, которому посвящены две трети документа, охарактеризовано весьма детально. Здесь, несомненно, играет роль то обстоятельство, что товарооборот Китая с Германией даже в кризисном 2009 г. превысил 105 млрд долл., тогда как с Россией он составил лишь 38,8 млрд долл.¹¹ Китайско-германское гуманитарное и культурное сотрудничество по ряду позиций не уступает уровню российско-китайского. Так, страны с успехом провели «Китайско-германский год науки и образования», учредили двустороннюю молодежную

ассоциацию, играющую активную роль в налаживании молодежных обменов и долгосрочном развитии двусторонних отношений.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что установление разнообразных по форме и конкретному содержанию отношений партнерства со многими государствами и региональными межгосударственными объединениями в последние полтора — два десятилетия стало важным инструментом внешней политики Китая.

Институт партнерства продемонстрировал свою эффективность, обеспечивая до настоящего времени определенное снижение уровня международного противодействия динамичному возвышению Китая. Вместе с тем, партнерство остается своего рода «открытой книгой»: его функции, формы, конкретное содержание будут, скорее всего, претерпевать дальнейшую эволюцию, продолжая, однако, оставаться в арсенале внешней политики КНР еще долгое время.

Добрососедство

Добрососедство как инструмент внешней политики КНР имеет общие корни и сохраняет немало точек соприкосновения с политикой партнерства¹². Однако по мере активизации международной деятельности Пекина в «постбиполярный период» постепенно произошло разграничение партнерства и добрососедства, и с начала нынешнего десятилетия добрососедство обрело собственную нишу в арсенале форм и методов реализации внешнеполитического курса КНР.

В отличие от партнерства, объектом которого потенциально являются практически все члены мирового сообщества, политика добрососедства адресована более конкретному ареалу: географическим соседям КНР. В китайской политологии существуют две интерпретации «соседского пояса», окружающего Китай. При узкой трактовке в этот пояс включаются только страны, непосредственно граничащие с Китаем. Сухопутную границу с КНР имеют 14 государств: КНДР, Россия, Монголия, Казахстан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан (через контролируемую им часть Кашмира, которая на российских картах обозначается как принадлежащая Индии), Индия, Непал, Бутан, Мьянма, Лаос, Вьетнам. С перечнем государств, имеющих с КНР морскую границу, дело обстоит сложнее: наряду с констатацией наличия у страны семи соседей по морю (КНДР, Республика Корея, Япония, Филиппины, Бруней, Индонезия, Малайзия) можно подчас встретить упоминание и о десяти таких соседях¹³. Встречается, однако, и расширенная трактовка соседского пояса Китая, в состав которого, помимо непосредственных соседей, включаются также и некоторые другие страны и регионы. Так, Янь Шэньи, оперирующий понятием «большого соседского окружения Китая», распространяет его на Средний Восток, Австралию, Новую Зеландию и США¹⁴. Сотрудник Института мировой политики Китайской академии современных международных отношений Чэнь Сяньян выделяет шесть зон «большого соседского окружения Китая». Это Центральная Азия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Северо-Восточная Азия, Западная Азия, Южная зона Тихого океана¹⁵.

На наш взгляд, расширительное трактование состава и структуры соседского окружения Китая прямо связано с выходом страны на глобальные роли в мировой политике и экономике и в этом плане вполне объяснимо. Однако очевидно и другое: такой подход чреват размыванием политики добрососедства, еще далеко не во всем устоявшейся и пока не проработанной до мелочей. Это отчасти признает и Чэнь Сяньян, отмечая взаимное «наложение» политики добрососедства при расширительном толковании ее объема с политикой Китая в отношении великих держав и развивающегося мира. Что же, в контексте высокой динамики развития всего комплекса внешних связей КНР нельзя исключать вероятность последующей трансформации политики добрососедства в разновидность более широкого «мультилатерализма», то есть многосторонней дипломатии. Вместе с тем, в любом случае мы имеем полные основания говорить и о том, что в два-

дцатилетие 1991—2010 гг. китайская политика добрососедства формировалась и действовала как самостоятельный феномен.

Переход КНР к политике добрососедства был продиктован необходимостью существенно улучшить ее отношения с соседними государствами, которые во многих случаях к началу 1990-х гг. оставляли желать лучшего.

Первыми шагами по выправлению ситуации стали: нормализация отношений с Советским Союзом (1989 г.) и достижение с ним соглашения по вопросу о линии прохождения китайско-советской границы на ее восточном участке (май 1991 г.), восстановление дипломатических отношений с Индонезией (1990 г.) и их установление с Сингапуром (1990 г.), Брунеем (1991 г.), Республикой Корея (1992 г.), нормализация отношений с Вьетнамом (1991 г.), признание постсоветских государств Центральной Азии и установление с ними дипотношений.

В 1990-е гг. продвижение в решении Китаем пограничных проблем с Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном было дополнено соглашениями о мерах доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, на базе которых сформировались организации регионального взаимодействия — сначала «Шанхайская пятерка», а затем и Шанхайская организация сотрудничества. Разноплановая поддержка Китаем стран АСЕАН в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. создала предпосылки для существенной активизации политики Пекина в Юго-Восточной Азии. В результате визита Цзян Цзэминя в 1998 г. была подготовлена почва и для определенного улучшения отношений с Японией. Наконец, в отчетном докладе Цзян Цзэминя XVI съезду Компартии Китая (ноябрь 2002 г.) курс добрососедства и дружбы, ориентированный на укрепление регионального сотрудничества и на повышение уровня обменов и взаимодействия КНР с соседними государствами, был провозглашен официально¹⁶. Дальнейшее концептуальное развитие он получил в выступлении премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на торгово-инвестиционном форуме государств АСЕАН 7 октября 2003 г. Это выступление, озаглавленное «Развитие Китая и возрождение Азии» и совпавшее по времени с началом пропаганды идеи «мирного возвышения Китая», было призвано убедить соседей КНР, и не только в Юго-Восточной Азии, в безосновательности каких-либо опасений в связи с обозначившимся ускорением темпов экономического роста и наращивания экономической мощи страны.

Вэнь Цзябао заявил о приверженности Пекина курсу на «дружественное соседство», «безопасное соседство» и «процветающее соседство», подразумевая, соответственно, обеспечение гармоничных межгосударственных отношений, совместную защиту регионального мира и стабильности, преодоление любых разногласий путем переговоров, укрепление взаимовыгодного экономического сотрудничества и углубление интеграционных процессов на региональном и субрегиональном уровнях. Одобрив линию на «дружественное», «безопасное» и «процветающее» соседство, Председатель КНР Ху Цзиньтао в выступлении на встрече с китайскими дипломатическими работниками в августе 2004 г. призвал соединять укрепление дружеского характера двусторонних отношений КНР с соседними государствами с усилением регионального сотрудничества¹⁷.

Изначально основные цели политики добрососедства состояли, во-первых, в выстраивании стабильных гармоничных отношений с соседними государствами, базирующихся на неуклонном углублении взаимного политического доверия; во-вторых, в укреплении сотрудничества Китая с соседями в сфере безопасности и формировании вокруг него «мирного, спокойного окружения»; в-третьих, в развитии взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, в том числе в интересах стимулирования интеграционных процессов. В дальнейшем еще одной целью политики добрососедства стало улучшение восприятия Китая в окружающих его странах, предопределившее усиление в ней ранее почти отсутствовавшего культурно-гуманитарного направления.

Практические шаги, «работавшие» на углубление добрососедства, нередко обслуживали сразу несколько целей. Вполне очевидно, что урегулирование Китаем пограничных проблем с той или иной страной способствовало одновременно и улучшению

двусторонних отношений с нею, и повышению уровня безопасности самого Китая, и углублению взаимного политического доверия, что, в свою очередь, благоприятствовало развитию двусторонних торгово-экономических связей. Поэтому, при всей важности в определенный период для той или иной страны каких-то конкретных аспектов проводимой Китаем политики добрососедства, секрет ее эффективности кроется прежде всего в комплексном характере.

Комплексность пекинского варианта добрососедства хорошо прослеживается в традиционных для современной китайской дипломатии предложениях по улучшению отношений КНР с тем или иным государством — а в последние годы без таких предложений не обходится практически ни один значимый визит на уровне глав государств и правительств.

Весьма показательны в этом плане предложения по улучшению двусторонних отношений, адресуемые Китаем Индии. Вслед за подписанием принципиально важного «Соглашения о руководящих политических принципах решения вопроса о китайско-индийской границе» премьер Вэнь Цзябао в ходе своего визита в Индию в апреле 2005 г. предложил: поднять уровень двусторонних отношений, подходя к ним «с высоты стратегии и общей ситуации»; усилить сотрудничество на международной арене для защиты прав развивающихся стран и продвижения демократизации международных отношений; углубить торгово-экономическое сотрудничество на принципах обоюдной выгоды; расширить культурные и гуманитарные обмены, провести в 2006 г. «Год китайско-индийской дружбы», наладить молодежные обмены; выстраивать доверие в сфере безопасности, усиливая соответствующий диалог и обмены по военной линии и углубляя сотрудничество в борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью; продвигать переговоры по вопросу о линии прохождения границы, обеспечивая спокойствие в районе границы и нацеливаясь на превращение приграничных районов двух стран в пояс мира, дружбы и сотрудничества.

В ноябре 2006 г. в ходе визита в Дели Ху Цзиньтао вновь огласил примерно такой же по сути набор предложений, а в сентябре 2008 г. министр иностранных дел КНР Ян Цзечи озвучил обобщенную формулу развития китайско-индийских отношений: «мир, дружба, взаимовыгодное сотрудничество, совместное развитие»¹⁸.

В целом, по мнению одного из ведущих китайских специалистов по международным отношениям Ван Ичжоу, политика добрососедства оказалась достаточно эффективной. Улучшились отношения Китая практически со всеми соседними государствами. Динамичное развитие получили двусторонние торгово-экономические связи (так, объем торговли КНР с АСЕАН вырос с 8,4 млрд долл. в 1991 г. до 160 млрд долл. в 2006 г.). Можно говорить и об определенном смягчении и стабилизации ситуации с безопасностью, по крайней мере, в том плане, что в настоящее время КНР не находится во враждебных отношениях ни с одним соседним государством. Выстраивание политики добрососедства на основе государственных интересов и на базе принципов равенства и взаимного благоприятствования оправдало себя, что делает возможным ее продолжение и совершенствование в перспективе¹⁹.

На наш взгляд, следует назвать как минимум еще одно достоинство политики добрососедства: она способствовала улучшению образа Китая и оздоровлению общей атмосферы его отношений с соседними государствами. В ряде случаев это помогло нахождению взаимоприемлемых решений застарелых проблем (например, в российско-китайских отношениях — вопроса о линии прохождения границы на некоторых участках пограничных рек).

Вместе с тем, у китайской политики добрососедства выявились и определенные ограничения и даже недостатки. Так, она, по крайней мере пока, не привела к окончательному достижению договоренности о прохождении границы между Китаем и Индией — и дело здесь, возможно, не только в «завалах прошлого», но и в уже проявляющихся признаках соперничества двух держав. Беспрецедентно быстрый экономический подъем Китая сопровождался повышенным спросом на природные ресурсы соседних го-

сударств и на их рынки для сбыта там изделий китайского производства. Китайская «ресурсная жажда» и возросшая конкуренция со стороны китайских товаров для местных производителей беспокоят его соседей²⁰. Причем если рост объемов двусторонней торговли той или иной страны с КНР радует ее правящие круги и крупный бизнес, то реакция общественности и рядовых граждан порой бывает негативной. Увеличение прямых китайских инвестиций в соседних государствах подчас обуславливается направлением на совместные предприятия китайских рабочих, что порождает трения во Вьетнаме и Индии, заинтересованных в первоочередном трудоустройстве местного населения. Поэтому «убеждающий, успокаивающий» язык, которым прописывается и артикулируется китайская политика добрососедства, не всегда достигает желаемого эффекта.

Настоящей проверкой политики добрососедства на прочность становится решение проблемы принадлежности островов Южно-Китайского моря, на которые, кроме Китая, претендует целый ряд стран Юго-Восточной Азии. В 2002 г. заинтересованные стороны достигли договоренности о воздержании от односторонних действий, способных обострить ситуацию, и об ориентации на решение существующих споров путем переговоров²¹. Однако в 2009 г., с окончанием срока моратория на страновые заявки о правах на участки шельфа вокруг островов, споры о принадлежности островов Южно-Китайского моря резко обострились, появилась угроза более широкой интернационализации конфликта. Помимо множества иных обстоятельств, достижение компромисса затрудняет и официальная позиция Пекина, еще в 1950-е гг. заявившего о суверенитете Китая над подавляющей частью акватории Южно-Китайского моря и расположенных там островов, тогда как фактический контроль над рядом из них осуществляется другими странами (попутно заметим, что у России какая-либо «свобода маневра» в данном вопросе полностью отсутствует: на всех советских и российских картах воспроизведена официальная китайская версия прохождения морской границы в Южно-Китайском море).

Представляется, однако, что при всех сложностях Китай заинтересован в сохранении нынешнего формата политики добрососедства еще на долгие годы: ведь именно «соседское окружение» является, по мнению китайских экспертов, главной зоной реализации его государственных интересов за пределами страны и главной сферой проецирования его комплексной мощи²². Безусловно, перспективы продолжения и совершенствования китайской политики добрососедства будут в немалой степени зависеть и от того, насколько адекватным и устраивающим Пекин будет отклик на нее со стороны тех стран, которым она адресована.

КНР и ООН

Став в последнее двадцатилетие членом подавляющего большинства наиболее влиятельных международных организаций и переговорных механизмов, КНР продолжает рассматривать в качестве важнейшей на этом направлении свою работу в Организации Объединенных Наций. Отчасти это связано с тем, что, по оценке китайских экспертов, «ни в какой другой международной организации Китай не занимает более высокого места, чем в ООН, и никакая другая международная организация не оказала на Китай большего влияния, чем ООН»²³. Сказалось и то обстоятельство, что основополагающие принципы ООН и идея ее центральной роли в урегулировании международных конфликтов, определении и достижении долгосрочных целей глобального развития оказались весьма созвучны основным постулатам внешнеполитического курса современного Китая, в том числе концепции создания гармоничного мира, отстаиванию права всех стран на самостоятельный выбор пути развития, отрицанию гегемонии в международных отношениях в каких бы то ни было формах и «национальных цветах».

Хорошо известно, что отношения Пекина с ООН складывались непросто. В период 1949—1971 гг. место КНР в ООН и в Совете Безопасности в качестве его постоянного члена было занято представителями администрации Тайваня, действовавшими под флагом «Китайской Республики». Вполне естественно, что в такой ситуации превали-

рующее отношение КНР к ООН выражалось в «недовольстве, критике и осуждении»²⁴. После восстановления законных прав КНР в ООН по результатам голосования на 26-й сессии Генеральной Ассамблеи в октябре 1971 г. отношения Пекина с ООН вступили в фазу нормализации, «участия и сотрудничества», но вплоть до начала 1990-х гг. высокой активностью в Организации Китай не отличался.

Ситуация весьма резко стала меняться после знаменитой поездки Дэн Сяопина на юг страны в январе-феврале 1992 г., которая обозначила возвращение Китая к активному проведению политики реформ и открытости и завершение «посттяньаньмэньского» (т.е. после силового подавления студенческих демонстраций 4 июня 1989 г.) периода усиления консервативно-изоляционистских веяний в руководстве КНР. Необходимость существенно более активной деятельности на международной арене диктовалась и задачей отстаивания ориентиров развития и интересов Китая после распада СССР.

Показательно, что именно с 1992 г. ускорился процесс подключения Китая к основным договорно-правовым режимам и конвенциям ООН, в т.ч. по вопросам защиты интеллектуальной собственности, биоразнообразия, прав человека, по морскому праву и ядерной безопасности. Китай стал одним из первых государств, подписавших Договор о запрещении развития, производства, складирования и использования химического оружия и о его уничтожении. В 2003 г. КНР подписала, а в 2005 г. ратифицировала Конвенцию ООН по борьбе с коррупцией²⁵. В 1997 г. КНР подписала Международную конвенцию об экономических, социальных и культурных правах (человека), а в 1998 г. — Конвенцию о гражданских, политических правах (конвенции были приняты ООН 16 декабря 1966 г. в целях распространения основных идей и принципов Декларации ООН о правах человека от 10 декабря 1948 г.)²⁶.

КНР интенсивно сотрудничает со специализированными организациями ООН, нередко оказывая безвозмездную помощь их представительствам в Пекине и участвуя в оказании помощи беднейшим странам по их линии. В свою очередь, Китай и сам получает определенное финансовое содействие от ряда организаций ООН, прежде всего от Программы развития ООН²⁷. В целом Китаю постепенно удалось сформировать механизм и практику «нормативного» сотрудничества с ООН, т.е. соответствующего стандартам и даже способного служить своего рода примером, образцом²⁸.

Из «безмолвного труженика», которым Китай был в ООН на протяжении 1970-х — 1980-х гг., страна трансформировалась в одного из самых последовательных защитников провозглашенных ООН целей глобального социального и экономического развития, в активного участника большинства переговорных механизмов по вопросам разоружения и нераспространения ядерного оружия. КНР стала чаще использовать трибуну ООН для оглашения тех или иных собственных принципов. Так, председатель КНР Ху Цзиньтао, выступая 15 сентября 2005 г. на встрече глав государств-членов ООН по случаю 60-летия организации, огласил ряд предложений, направленных на создание «гармоничного мира». В их числе: поддержка мультилатерализма в целях обеспечения общей безопасности, развитие взаимовыгодного сотрудничества в интересах достижения совместного процветания, совместное строительство гармоничного мира на основе культурно-цивилизационного многообразия²⁹.

Все это дает китайским экспертам основания прямо связывать деятельность КНР в ООН на современном этапе с реализацией страной функции «ответственной державы»: «Китай должен не только надлежащим образом вести свои дела, но и заботиться о счастье всего мира и человечества в целом». При этом подчеркивается, что «Китай все в большей мере проявляет внимание к делам внешнего мира, участвует в деятельности Совета Безопасности ООН по урегулированию конфликтов»³⁰.

Целый ряд конкретных действий Китая в ООН квалифицируется именно в контексте выявления им статуса ответственной державы.

Во-первых, это касается объявленных председателем КНР Ху Цзиньтао в ходе работы 60-й юбилейной сессии ГА ООН в 2005 г. обязательств Китая по оказанию помощи беднейшим странам. Они включали: обнуление таможенных тарифов для экспорт-

ной продукции 39 наименее развитых государств; списание просроченной задолженности перед КНР беднейших и наиболее отягощенных долгами стран по беспроцентным и низкопроцентным займам; подготовку кадров; создание и совершенствование инфраструктуры здравоохранения; предоставление льготных кредитов продавца³¹.

Во-вторых, особо подчеркивается проявление Китаем статуса ответственной державы в случаях «тщательно взвешенного, осмотрительного применения им права вето». В частности, речь идет о вето Китая при голосовании в СБ ООН проекта резолюции о направлении группы военных наблюдателей в Гватемалу (1 октября 1997 г.) и при голосовании по вопросу о продлении пребывания в Македонии военной миссии ООН с превентивными целями (25 февраля 1999 г.). В обоих этих случаях Китай, как декларируется, руководствовался «основополагающим принципом защиты суверенитета», т.к. Гватемала, игнорируя предостережения КНР, пригласила на церемонию подписания мирных соглашений представителя администрации Тайваня, а Македония 8 февраля 1999 г. установила с Тайванем «дипломатические отношения». В январе 2007 г. КНР вместе с Россией и ЮАР голосовала против проекта резолюции Великобритании и США «О ситуации в Мьянме», что мотивировалось отсутствием угрозы со стороны Мьянмы миру и безопасности в регионе³². 11 июля 2008 г. КНР вместе с Россией по тем же мотивам голосовала против предложенного США и Англией проекта резолюции с осуждением внутренней политики президента Зимбабве Р.Мугабе.

В-третьих, об ответственности КНР как глобальной державы свидетельствует, по оценке китайских политологов, уже сама по себе последовательная поддержка Пекином основополагающих целей и принципов деятельности ООН и ее центральной ключевой роли в обеспечении международного мира. Как отметил в своей речи на 60-й сессии ГА ООН Ху Цзиньтао, «ООН, будучи ядром механизма коллективной безопасности, играет незаменимую роль в международном сотрудничестве по обеспечению глобальной безопасности. Ее роль можно лишь укреплять, но не ослаблять. Нормы и принципы, определенные Уставом ООН... уже стали общепризнанными базовыми критериями международных отношений, их необходимо неукоснительно соблюдать»³³.

В-четвертых, в определенной мере растущая ответственность КНР как члена международного сообщества проявилась в увеличении его доли во взносах в бюджет ООН. Эта доля в 1980 г. была снижена до 1,62% по сравнению с 5,5% в период 1974—1979 гг.; в 1983 г. вновь снижена до 0,88%. В период 1987—1997 гг. она колебалась в диапазоне 0,7–0,8%. Постепенный рост доли Китая во взносах в бюджет ООН начался с 1998 г. (0,901%). С 2003 г. она превышала 2% и в 2007 г. достигла 2,667%. Для сравнения: доля России составила в 2007 г. 1,2%, тогда как доля СССР в 1990—1991 гг. была 9,99%³⁴. Последовавшее дальнейшее увеличение доли Китая во взносах в бюджет ООН довело ее до 3,1% в настоящее время³⁵.

И все же, пожалуй, в наибольшей мере статус Китая как ответственной глобальной державы реализуется в такой сфере деятельности ООН, как *миротворческие операции* под ее эгидой. КНР присоединилась к деятельности Специального комитета ООН по миротворческим операциям в 1988 г., в апреле 1989 г. она впервые предоставила в распоряжение Группы ООН по помощи в осуществлении переходного периода (ЮНТАГ) 20 гражданских лиц для наблюдения за выборами в Намибии. В 1992 г. китайские гражданские инженеры в количестве 400 чел. были направлены в распоряжение переходной администрации ООН в Камбодже. В общей сложности с 1990 по 2009 г. Китай принял участие в 18 миротворческих миссиях ООН, направив за рубеж свыше 11 тыс. миротворцев, из них 1100 — военных наблюдателей. По состоянию на 30 июня 2009 г., в миротворческих миссиях ООН находились 2148 миротворцев из КНР. Это 13-е место среди всех стран, предоставивших миротворческие контингенты. Крупные контингенты китайских миротворцев, представленные инженерами, врачами, транспортными подразделениями, действовали в Букаву (Республика Конго), в Либерии, Судане, Ливане. По некоторым оценкам, Китай предоставил больше миротворцев, чем другие постоянные члены Совета Безопасности ООН. В связи с этим в июне 2009 г. в Пекине был создан миро-

творческий центр Министерства обороны КНР, предназначенный для подготовки персонала и обмена опытом деятельности в данной сфере.

В целом, по оценке китайских экспертов, активное участие КНР в миротворческих операциях отражает усилия страны по выполнению своих обязательств в деле обеспечения международного мира и безопасности³⁶. Одновременно оно помогает Пекину лучше интегрироваться в международный режим обеспечения безопасности и тем самым содействовать собственной безопасности. Наконец, поскольку участие в миротворческой деятельности позволяет Китаю проецировать вовне имеющуюся и потенциальную мощь, оно может служить важным стратегическим ресурсом страны³⁷.

Основные особенности позиционирования КНР в ООН нашли отражение в *эволюции ее подхода к реформе этой организации*.

Вопрос о реформе ООН впервые был поставлен в повестку дня по инициативе развивающихся стран в 1979 г. Они апеллировали в первую очередь к тому обстоятельству, что структура и методы работы организации, унаследованные от начального периода ее деятельности, когда в ООН входило несколько десятков стран, должны быть приведены в большее соответствие с такими новыми реалиями, как появление большой группы независимых развивающихся государств, утроение числа стран-членов Организации Объединенных Наций и т.п. Распад СССР и таких тесно связанных с ним блоковых организаций, как СЭВ и ОВД, ознаменовавший завершение эпохи биполярного мироустройства, сделал задачу реформирования ООН еще более настоятельной. В 1993 г. была создана специальная рабочая группа, ставшая наиболее важным форумом для обсуждения предложений по реформе ООН и ее Совета Безопасности. 20 марта 1997 г. рабочая группа представила предложения о реформе, подготовленные в виде проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Данные предложения, получившие известность как «Доклад Разали о реформе ООН», предусматривали увеличение Совета Безопасности с 15 до 24 членом с добавлением пяти постоянных членом СБ и четырех непостоянных. Усиливался географический принцип представительства в СБ. Предлагалось ввести ограничения на использование права вето с ориентацией на его последующую отмену. Новые постоянные члены СБ не должны были бы иметь права вето³⁸.

После нескольких лет обсуждений в марте 2005 г. с докладом о реформе ООН и СБ выступил генеральный секретарь организации Кофи Аннан. Его предложения по духу были весьма близки предложениям «Доклада Разали». В частности, Кофи Аннан также предложил увеличить Совет Безопасности с 15 до 24 членом, правда, с доведением числа постоянных членом до 11 и с сохранением права вето только у пяти прежних постоянных членом СБ. Аннан рассчитывал, что реформа будет проведена в самые краткие сроки и что ее детали могут быть окончательно согласованы уже в сентябре 2005 г. на юбилейной 60-й сессии ГА ООН. Доклад Аннана стимулировал высокую активность Германии, Японии, Бразилии и Индии, которые выступили за свое одномоментное включение в число постоянных членом СБ единой группой. Однако на сессии Генассамблеи консенсуса по вопросу реформы добиться не удалось, и проблема продолжает обсуждаться до настоящего времени.

В подходе КНР к реформе ООН можно выделить три этапа.

В 1990-е гг. Пекин весьма активно поддерживал реформу организации, поскольку она была созвучна китайскому тезису о необходимости установления нового международного политического и экономического порядка. Китай выступал за усиление в деятельности ООН акцента на экономические и социальные проблемы, за повышение представительства и лучший учет интересов развивающихся стран. Китайское видение роли ООН и задач ее реформирования оказалось близко российскому и нашло развернутое отражение в совместных декларациях по итогам взаимных визитов глав КНР и РФ.

В декларации от 3 сентября 1994 г. констатировалась готовность России и Китая как постоянных членом СБ ООН «продолжать оказывать поддержку ООН, совместно с другими странами способствовать усилению ее роли в сфере поддержания международ-

ного мира и безопасности, содействия развитию, предупреждения и урегулирования конфликтов»³⁹.

В декларации от 25 апреля 1996 г. ООН была охарактеризована как «уникальный механизм для сотрудничества во имя мира, развития и безопасности». Вместе с тем, отмечалась и необходимость «в целях адаптации к изменившейся международной обстановке... провести соответствующую реформу ООН и ее органов; деятельность ООН и процесс принятия ее решений должны еще лучше отражать общие чаяния и коллективную волю всех стран-членов ООН»⁴⁰.

В документе от 23 ноября 1998 г. «Российско-китайские отношения на пороге XXI века» отмечалось, что возможное расширение Совета Безопасности «должно основываться на строгом соблюдении принципа справедливого географического представительства и опираться на широкое согласие, а в идеале — консенсус стран-членов ООН»⁴¹.

Между тем в конце 1998 — начале 1999 гг. все сильнее стало проявляться стремление США и их союзников по НАТО оказать давление на Югославию по косовской проблеме, причем действуя в обход ООН. 24 марта 1998 г. ВВС НАТО без непосредственной санкции Совета Безопасности ООН начали бомбардировки стратегических объектов в Сербии, включая Белград⁴². В этой ситуации на первый план для Китая, как и для России, вышла задача не той или иной реформы ООН, а защиты ее легитимности и центральной роли в обеспечении мира и безопасности. Уже в Совместном заявлении глав государств от 23 ноября 1998 г. РФ и КНР констатировали, что главная уставная ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности «ни при каких обстоятельствах не должна ставиться под сомнение» и что «любые попытки обхода Совета чреваты подрывом существующего механизма поддержания мира». Год спустя в Совместном заявлении по актуальным проблемам современной международной обстановки от 9 декабря 1999 г. Китай и Россия высказались «за сохранение в неизменном виде уставных полномочий нынешних постоянных членов Совета Безопасности», охарактеризовав данное положение как «необходимое условие обеспечения эффективности и стабильности ООН»⁴³. То есть, попросту говоря, речь шла о сохранении за Китаем и Россией права вето при любых вариантах реформы ООН.

Тем самым было положено начало второму этапу эволюции подхода КНР к реформе ООН, который продлился примерно до 2003–2004 гг.

Для этого периода была характерна высокая динамика международно-политической жизни, не вполне благоприятная для реформы организации, да и просто отодвигавшая в тень задачу проведения каких-либо преобразований. Назовем террористические акты в США 11 сентября 2001 г., поддержанную ООН операцию против режима талибов в Афганистане, давление США и Англии на режим Саддама Хусейна в Ираке и начало военных действий против него.

КНР, вступившая в конце 2001 г. во Всемирную торговую организацию, стала в большей мере, чем раньше, ощущать себя составным элементом существующего миропорядка. Такую же роль играл и статус постоянного члена Совета Безопасности. Глубже, чем раньше, осознав свою принадлежность вместе с другими постоянными членами СБ ООН к державам, ориентированным на сохранение статус-кво, КНР стала выступать не за реформу ООН вообще, а за «рациональную и ограниченную реформу», которая «выдержала бы проверку временем и была бы приемлема для подавляющего большинства членов организации». Соответственно, Пекин выступил против введения каких-либо конкретных сроков завершения преобразований⁴⁴.

Показательно, что на несколько лет само упоминание о реформе ООН исчезает из совместных российско-китайских коммюнике, уступив место призывам к «укреплению ведущей роли ООН и ее Совета Безопасности в международных делах» (16 июля 2001 г.), к «дальнейшему повышению эффективности ООН и, в частности, ее Совета Безопасности» (2 декабря 2002 г.)⁴⁵.

Вместе с тем, эта своеобразная пауза позволила Китаю глубже осмыслить плюсы и минусы для него различных вариантов реформы ООН и прежде всего Совета Безо-

пасности и на этой основе более четко определить свой стратегический подход. Видимо, дело не обошлось без некоторых колебаний, «что же будет лучше для Китая: реформированный Совет Безопасности или же неизменный?» «Как развивающаяся страна КНР выступает за демократический, транспарентный Совет с более равным представительством, но как постоянный член СБ она не согласна с отменой права вето»⁴⁶. В конечном счете возобладала точка зрения, что попытки заблокировать реформу СБ были бы наихудшим вариантом, поскольку грозили бы маргинализацией ООН. И хотя расширение СБ невозможно решить все имеющиеся проблемы, реформа, нацеленная на привлечение в Совета Безопасности новых членов, необходима. Был сделан вывод, что хотя исход реформы может не быть всецело благоприятным для Китая, но для взятых вместе членов СБ, включая Китай, расширение СБ является лучшим выходом. По оценке китайских экспертов, у КНР как у ответственной мировой державы возобладало стремление «найти надлежащий баланс между собственными национальными интересами и международной ответственностью», настроен на сотрудничество с другими великими державами⁴⁷.

Вновь возросшее внимание к ООН нашло отражение в Совместной декларации глав России и Китая от 27 мая 2003 г. по итогам первого визита председателя КНР Ху Цзиньтао в РФ. Вопросы деятельности организации оказались затронуты в четырех из десяти разделов документа. Особо была подчеркнута координирующая роль ООН «с ее авторитетом, универсальным характером и уникальным опытом» в деле обеспечения международного мира и безопасности, включая «противодействие новым угрозам и вызовам на прочной основе международного права»⁴⁸.

А в октябре 2004 г. в очередной совместной декларации КНР и РФ по итогам встречи на высшем уровне стороны заявили о признании необходимости реформы Совета Безопасности ООН «с тем, чтобы укрепить его способность реагировать на вызовы и угрозы, придать ему больше представительности и повысить эффективность его работы»⁴⁹.

Пауза закончилась, и эволюция отношения КНР к реформе ООН вступила в третий этап, продолжающийся по настоящее время. Он характеризуется тем, что Пекин, поддерживая саму идею реформы, воздерживается от активных действий и не форсирует события, апеллируя к необходимости достижения максимально широкого консенсуса по вопросу о новых постоянных членах СБ. В отдельные моменты Китай высказывал возражения против предоставления места постоянного члена СБ Японии, но, думается, блокировать предоставление ей такого статуса он не будет. В то же время, в речи на юбилейной сессии ГА ООН в сентябре 2005 г. Ху Цзиньтао высказался за расширение в Совета Безопасности представительства африканских стран.

В целом же Китай в настоящее время чувствует себя в ООН намного увереннее, чем десять и, тем более, двадцать лет назад. Это позволяет ему, действуя на этом направлении в унисон с Россией, неизменно высказываться в последние годы в поддержку реформы ООН и ее СБ, одновременно воздерживаясь от каких-либо активных самостоятельных действий по ее продвижению. Так, в совместной декларации РФ и КНР по основному международному вопросу от 23 мая 2008 г. зафиксирована поддержка «необходимой и рациональной реформы ООН... в целях усиления ее потенциала реагирования на новые вызовы и угрозы», но одновременно отмечается, что «проведение реформы должно основываться на принципах консенсуса, последовательности и постепенности»⁵⁰.

В российско-китайской декларации от 27 сентября 2010 г. по итогам визита Д.А. Медведева в Китай выражена аналогичная поддержка реформированного Совета Безопасности ООН, при этом стороны «выступают за то, чтобы государства-члены ООН путем самых широких консультаций на демократической основе стремились к консенсусу по вопросу реформы».

* * *

Выше освещена лишь часть направлений обновления внешнеполитического инструментария КНР. Детального анализа заслуживают также деятельность Пекина в других, помимо ООН, международных организациях, его экономическая дипломатия, под-

ход к проблемам международной безопасности, включая противодействие нетрадиционным угрозам и вызовам, усилия по улучшению образа страны за рубежом, культурная дипломатия, ставшая важным элементом укрепления как «мягкой» (soft), так и «умелой» (smart) силы Китайской Народной Республики. На наших глазах зарождается и ранее отсутствовавшая в арсенале Пекина инновационная дипломатия. Одним словом, проблема обновления внешнеполитического инструментария КНР требует дальнейшего осмысления и исследования.

1. Ван Ичжоу (Чжу бянь). Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008) [30 лет трансформации внешних связей Китая]. Пекин, 2008. С. 32.
2. Там же. С. 223.
3. Scott, David. «The Chinese Century?»: The Challenge to global order. London, 2008. P. 25—26. Дэвид Скотт читает лекции по международным отношениям в Университете Брунел, Великобритания. При анализе китайской формулы партнерства он опирался на работы Дж. Гарвера, М. Свайна, Юн Дэна.
4. Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999 гг. М., 1999. С. 271.
5. Там же. С. 333.
6. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 гг. М., 2007. С. 144.
7. Ван Ичжоу (Чжу бянь). Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008). С. 35.
8. Xiao Feng. China's strength does not mean diplomatic power in short-term. — http://english.peopledaily.com.cn/90001/90780/91342/714_1067.html.
9. Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо. [Дипломатия современного Китая] Шанхай, 2009. С. 45—46.
10. По-китайски, соответственно, «цюаньмянь туйцзинь чжаньлюэ хобань гуаньси» в случае с Германией и «цюаньмянь шэньхуа чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси» в случае с Россией. См.: Жэньминь жибао. 17 июля; 28 сент. 2010. Официальный текст Совместного заявления от 27.09.2010 на русском языке размещен на сайтах Президента РФ и Посольства РФ в КНР.
11. Хайгуань тунци [Таможенная статистика]. Пекин, 2009, № 12. С. 4—5.
12. Наличие точек соприкосновения между партнерством и добрососедством оказалось удачно отражено в названии монографии под редакцией Чжан Юньлина «Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors» [«Создавая новое партнерство: возвышающийся Китай и его соседи»]. (Beijing, 2008). Монография подготовлена на основе докладов китайских и зарубежных ученых на конференции с аналогичным названием в Пекине в июле 2007 г., организованной Институтом АТР Академии общественных наук Китая.
13. См., например: Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо [Дипломатия современного Китая]. Шанхай, 2009. С. 16. (Различие, надо полагать, связано с той или иной интерпретацией линии прохождения морской границы КНР в Южно-Китайском море. При максимальном ее варианте в число морских соседей КНР могут попасть также Сингапур, Таиланд и Камбоджа. Не исключено, однако, что данные о «десяти морских соседях Китая» отражают устаревшую политическую географию — скажем, в начале 1970-х годов сюда входили Сабах и Саравак. Тайвань во всех случаях не учитывается).
14. Янь Шэньи. Указ. соч. С. 16.
15. Чэнь Сяньян. Индуй «да чжоубянь» любань куай. [Политика в отношении шести зон «большого соседского окружения»] // Ляован. Пекин, 2010. № 34. С. 59.
16. Ху Шусян (Чжу бянь). Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзяо [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин, 2009. С. 280.
17. Там же. С. 281.
18. Ху Шусян. Указ. соч. С. 283—285.
19. Ван Ичжоу. Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008). Пекин, 2008. С. 35.
20. Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors. 2008. P. 16—17.
21. Вопрос о претензиях ряда стран на острова Южно-Китайского моря детально изложен в работах российских ученых. См.: Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: 2007; Степанов Е.Д. Спорные вопросы в омывающих Китай морях // Политика начинается с границы: Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М., 2007. С. 184—220; Агафонов Г.Д. Пра-

- новые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. М., 2004.
22. *Чэнь Сянъян*. Указ. соч. С. 59.
 23. *Чжао Лэй*. Гоуцзянь хэпин: Чжунго дуй Ляньхэго вайцзяо синвэй дэ яньцинь [Строительство мира: эволюция дипломатической деятельности Китая в отношении ООН]. Пекин, 2007. С. 135.
 24. Там же. С. 20.
 25. *Чжао Лэй*. Указ. соч. С. 134—135.
 26. *Mo Jihong*. A New Perspective on Relations between Human Rights Covenants and China. // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 196.
 27. Среди направлений содействия Программы развития ООН Китаю следует упомянуть начатую в 1997 г. совместную подготовку докладов о человеческом развитии, которые сыграли важную роль в повышении «статусности» социальных программ в КНР, отработке мероприятий по борьбе с бедностью, осознании глубины разрыва в уровнях развития регионов страны. См., например: China Human Development Report 1999. Transition and the State. UNDP, Beijing, 2000.
 28. *Чжао Лэй*. Указ. соч. С. 159.
 29. *Ху Цзинтао*. Нули цзяньшэ чицзю хэпин, гунтун фаньжун дэ хэсе шицзе [Приложить усилия в деле строительства гармоничного мира, характеризующегося долговременной мирной обстановкой и всеобщим процветанием]. // Жэньминь жибао. 16 сент. 2005.
 30. *Чжао Лэй*. Указ. соч. С. 145, 133.
 31. Цит. по: Ван Ичжоу. Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008). Пекин, 2008. С. 128.
 32. *Чжао Лэй*. Указ. соч. С. 171—181.
 33. Жэньминь жибао. 16 сент. 2005.
 34. *Чжао Лэй*. Указ. соч. С. 236.
 35. China and the UN: a long standing partnership // Beijing Review. 2010. 30 Sept. P. 12. По правилам ООН, страны с доходами менее 7000 долл. на человека в год пользуются 80-процентной скидкой в исчислении их взносов в бюджет организации. В перспективе, когда КНР потеряет право на скидку (сейчас среднедушевой доход здесь составляет 3700 долл.), она займет третье место по величине взноса вслед за США и Японией.
 36. *Hu Yimin*. China's Expanding Participation in the UN Peacekeeping Operations // Contemporary International Relations, Beijing, 2009. Nov.-Dec. P. 46—56; Beijing Review. 2010. 30 Sept. P. 11.
 37. *Tang Yongsheng*. China's Participation in UN Peacekeeping Regime // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction. — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 84—87.
 38. *Li Dongyan*. A Chinese Perspective of UN Security Council Reform // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction. — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 107—113.
 39. Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999 гг. М., 1999. С. 273.
 40. Там же. С. 336.
 41. Там же. С. 454.
 42. *Богатуров А.Д., Аверков В.В.* История международных отношений (1945—2008 гг.). М., 2009. С. 459—460.
 43. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 гг. М.: 2007. С. 28.
 44. *Li Dongyan*. Op. cit. P. 117.
 45. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 гг. С. 156, 226.
 46. *Li Dongyan*. Op. cit. P. 123.
 47. *Li Dongyan*. Там же. P. 124—127.
 48. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 гг. С. 243—253.
 49. Там же. С. 291.
 50. Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 11.